
ПРОЛОГ

— Никаких убийств, — сказала Амалия.

— Абсолютно, — подтвердила Аделаида Станиславовна.

— Никаких преступлений...

— Даже и не думай! — вскинулась ее собеседница.

— Я же там умру со скуки! — возмутилась Амалия.

— Не понимаю, чего тебе надо, — возразила ее мать. — Красивейший край, плодородная земля, вполне приличные соседи... Поверенный пишет, что при надлежащем уходе имение вполне может приносить несколько тысяч в год.

— Так я ему и поверила, — сварливо отозвалась Амалия, которая, очевидно, находилась в прескверном расположении духа. — Наверняка поместье уже заложено и перезаложено, и все долги теперь окажутся на мне. И едва я приеду, как ко мне сразу же явятся господа из земельного банка с требованием платить проценты.

Этот странный разговор происходил прекрасным майским днем 188... года. Сидя в саду у осыпанной белыми цветами вишни, дамы пили чай, а покачивающиеся на ветру ветви отбрасывали на их лица подвижную тень. На Амалии было бледно-розовое платье, которое замечательно шло к ее белокурым волосам и светлой коже. Аделаида Станиславовна, как всегда, была одета

в роскошный туалет темных тонов, затканый золотом, и, как всегда, производила впечатление путешествующей королевы, которую застигла буря и заставила сойти с тонущего корабля на утлую шлюпку. Само собой, ни корабля, ни шлюпки поблизости не было, но суть впечатления тем не менее не менялась.

— По-моему, ты преувеличиваешь, — промолвила старая дама снисходительным тоном, глядя на дочь сквозь лорнет. — По крайней мере, в своем письме поверенный ни разу не упомянул ни о каких долгах.

— А иначе во всем этом нет никакого смысла, — возразила Амалия. — К чему вообще завещать свое имущество человеку, которого ты никогда в жизни не видел? Вы, тамап, хоть что-нибудь помните о пресловутом Савве Аркадьевиче?

Аделаида Станиславовна наморщила лоб и задумалась.

— Он однажды прислал нам поздравление, — наконец объявила она. — С чем, я не помню, но он точно нам писал!

Амалия покачала головой.

— Только поздравление? А не просил о протекции, к примеру? Не навязывался в гости, не выражал желание погостить у нас в столице, не настаивал на том, чтобы быть представленным моему мужу? Нет?

...Когда в 1881 году Амалия вышла замуж за барона Корфа, блестящего молодого офицера, служившего при дворе, она с некоторым изумлением обнаружила, как много у нее родственников, а у ее покойного отца — друзей и знакомых. Прежде она была всего лишь красивой девушкой из обедневшей дворянской семьи, у которой из близких оставались лишь мать и дядюшка Казимир, родной брат последней; но едва Амалия сделалась баронессой и получила право являться при дворе,

как ее со всех сторон стали осаждать четвероюродные братья, троюродные тетки, внучатые племянники двоюродных бабушек и кузены уже совсем каких-то непонятных дедушек. Все это многолюдье улыбалось, льстило, рассыпалось мелким бесом, ссылалось на родство, лгало, предлагало дружбу, молило о протекции, вновь льстило без конца и клялось в вечном расположении. И, хотя Амалия видела людей насквозь и, в общем, ничего от них не ждала, ее все же поражало, как быстро номинальные родичи, напрочь забывшие о ее существовании, когда она в них нуждалась, сразу же вспомнили о нем, едва она сделалась баронессой.

Впрочем, если они рассчитывали извлечь выгоду из ее нового положения, то жестоко ошиблись. Амалия принадлежала к тем людям, которые никогда ничего не забывают, и не давала обмануть себя словами, какими бы красивыми они ни были. Она более или менее вежливо отказала от дома всем неожиданным претендентам на родство, после чего ее хором стали обвинять в том, что она зазналась, не признает родственных уз и вообще ведет себя точь-в-точь как ее маменька, полячка Аделаида, гордячка и ломака. Можно себе представить, как радовались все эти мелочные злопыхатели, когда узнали о разводе Амалии с мужем. Теперь-то, говорили они, эта высокомерная особа вернется в прежнее ничтожество; теперь-то она точно пожалеет, что отвергла нашу — пусть даже весьма небескорыстную — дружбу.

Однако Амалия в который раз обманула их ожидания. Она по-прежнему жила в великолепном особняке на Английской набережной, решительно ни в чем себя не стесняла и без малейшего смущения бывала при дворе, хоть и не чаще, чем того требовала ее работа в особой службе, о которой очень мало кто был осведомлен.

Впрочем, во времена нашего рассказа Амалия уже не состояла в службе, довольствуясь положением частного лица. У нее были слабые легкие, и всего несколько недель назад она приехала из очередного санатория, где провела осень и зиму. А сегодня утром...

— Нет, — решительно объявила Аделаида Станиславовна в ответ на вопрос Амалии, — он никогда ни о чем не просил.

Молодая женщина тихо вздохнула и отставила чашку. Желтая бабочка кружила над травой, и Амалия проводила ее полет взглядом.

— Кто он вообще такой, этот Савва Аркадьевич Нарышкин? — устало спросила она.

— Дальний родственник твоего отца, — с готовностью отвечала Аделаида Станиславовна. — Насколько я поняла, он был в своем уезде мировым судьей.

Амалия скептически покосилась на нее.

— И судья завещал мне свое имение? Ни разу в жизни меня не видя, не пытаясь даже встретиться со мной? Только потому, что я его родственница?

— Дорогая, я тебя не понимаю, — молвила Аделаида Станиславовна обескураженно и даже лорнет опустила. — Что тут такого, в самом деле? Человек умер, перед смертью составил завещание в твою пользу, по всей форме... — Она указала глазами на лежащее на столе письмо, которое пришло сегодня с утренней почтой. — Движимое и недвижимое имущество, пруды, мельница, земельные угодья... Может быть, ты и права, и что-то в самом деле уже заложено банку, но ведь надо сначала выяснить, а потом уж говорить. В конце концов, ты всегда можешь отказаться от наследства, — добавила Аделаида Станиславовна, видя, что дочь колеблется. — И потом, если Савва Аркадьевич Нарышкин пожелал,

чтобы ты стала его наследницей, значит, у него для того были свои причины.

Амалия нахмурилась. Причины, как она полагала, были самые прозаические: имение опутано долгами, угодыя не представляют особой ценности, стало быть, наследнице не достанется ничего, кроме хлопот и долгой тяжбы с земельным банком, который уж всяко своего не упустит.

К тому же молодая женщина по складу своего характера была человеком городским. Пусть другие сколько угодно радуются тому, что им удалось вырастить на своих десятинах, и хвастаются друг перед другом новыми сортами картофеля или ржи, Амалии все это было безмерно скучно. Даже дачный отдых она не жаловала, потому что при одном слове «дача» ей представлялись тучи комаров, отсутствие привычных удобств и назойливые соседи, бесцеремонно навязывающие вам свое общество на том лишь основании, что вы с ними оказались в одной местности. Так что мысль о том, что ей надо ехать куда-то далеко в провинцию принимать неожиданное наследство, не вызывала у Амалии ничего, кроме глухого протеста.

— Кроме того, — добавила Аделаида Станиславовна, — поверенный же написал, что у судьи не было детей, а его жена давно умерла. Так что он был в своем праве.

В том, что судья был в своем праве делать с собственным имуществом все что угодно, Амалия не сомневалась, но ее возмущало, что в качестве наследницы он выбрал именно ее. Как возмущала и несвоевременность неожиданного подарка судьбы. Ах, как она была бы счастлива, если бы это наследство объявилось несколько лет назад, когда ее отец был еще жив и его можно было спасти! Или еще раньше, когда их семья

была разорена бесконечными судами и исками. Им бы очень помогли тогда деньги. А теперь... На что они ей теперь? Она живет в столице, и все ее соседи-аристократы один знатнее другого, когда в гостиной у нее висит на стене подлинный Тициан, которого она привезла из одной из своих служебных поездок, когда она может приказать возвести зимой возле дома настоящий ледяной дворец, чтобы побаловать своего сына Мишу... На что ей чужое имение, наверняка запущенное, с расстроенным хозяйством, расположенное где-то за тридцать земель?

— Глупо, — вырвалось у Амалии, — просто глупо! Как оно называется вообще?

Аделаида Станиславовна взяла письмо со стола и кокетливым жестом поднесла к слабеющим глазам лорнет. И, хотя в то мгновение она ничуть не красовалась, со стороны движение ее выглядело именно как нечто искусственное, как привычная уловка некогда блистательной красавицы, которая в молодости вскружила не одну горячую голову.

— Синяя долина, — прочитала она вслух. — Да, именно так.

— Синяя долина? — удивилась Амалия. — А почему именно синяя?

Ее мать только пожала плечами. В самом деле, откуда она могла знать?

— И как туда добираться? — спросила молодая женщина.

— Тут все подробно объяснено, — отозвалась Аделаида Станиславовна. — По железной дороге, а затем в экипаже до самой Синеи долины. — Она поглядела на дочь поверх лорнета. — Я полагаю, можно будет дать телеграмму, что ты едешь, и тебя встретят на станции.

Амалия поморщилась и отвернулась. Она все еще не

желала никуда ехать и в глубине души бунтовала против необходимости поездки.

— Наверняка все это будет зря, — проговорила она в сердцах.

— Может быть, — не стала спорить Аделаида Станиславовна. — Но ты подумай: вдруг имение приличное и ты сможешь потом передать его Саше?

Саша считался приемным сыном Амалии и носил ее девичью фамилию — Тамарин. Откуда он взялся, никто толком не знал, а те, кто знал, предпочитали держать язык за зубами.

Амалия сердито взглянула на мать, но Аделаида Станиславовна ответила ей совершенно безмятежным взглядом.

— Саша и так никогда ни в чем не будет нуждаться, — резче, чем ей хотелось, проговорила Амалия. И тут ей в голову пришла неожиданная мысль: — Послушайте, мама, а что, если нам послать туда Казимира?

Почтенная Аделаида Станиславовна так удивилась, что чуть не выронила лорнет.

— Как, Амели, Казимира?

— Да. А что такого? Он приедет туда, все разузнает и отпишет нам, а мы уже потом решим, что нам делать.

Но Аделаида Станиславовна, похоже, была вовсе не в восторге от идеи дочери.

— Нет-нет, дорогая, только не это! Казимир не может никуда ехать. Ну, ты сама подумай: имение и бедный Казимир... Боже! Он же проиграет его в карты еще прежде, чем доберется до него! Прямо в поезде проиграет случайным попутчиком! А если все-таки случится чудо и Казимир доберется до Синей долины, он же... он же прямо там ее и проиграет. Да! И мы останемся ни с чем!

Амалия невольно улыбнулась. По правде говоря, причина, по которой она так стойко отбивалась в свое время от неожиданно нагрянувших родственников, заключалась вовсе не в ее злопамятности и жестокосердии, как некоторые могли подумать, а как раз в дядюшке Казимире. Это был необыкновенно изворотливый маленький человечек, картежник, плут, бонвиван и, что называется, не дурак выпить. Всю свою жизнь он безотлучно провел при старшей сестре, матери Амалии, и, когда дела самой Амалии значительно улучшились — отчасти благодаря браку, отчасти благодаря пребыванию в особой службе, — ей пришлось, как до того Аделаиде Станиславовне, мириться с присутствием Казимира и выплачивать ему содержание, чтобы он мог по-прежнему баловаться карточной игрой, пить дорогое шампанское и заводить романы с хорошенькими женщинами. Всякий раз, когда очередной непрошенный родственник являлся к Амалии, она представляла себе, что отныне ей придется терпеть не одного Казимира, а двух, и при мысли об этом ее голос становился таким ледяным, а манеры — такими неприятными, что гость, не успев пробормотать свою просьбу о теплом местечке для себя или для сына, уже пятился к дверям.

Не то чтобы Казимир был каким-то подлецом или законченным мерзавцем — Амалия успела достаточно повидать жизнь, чтобы понять: бывают люди и куда хуже него; но он был невыносимо, чудовищно эгоистичен и даже знать не желал о том, что помимо его желаний в мире существуют и другие, с которыми надо считаться. Больше всего на свете он боялся двух вещей — смерти в богадельне и женитьбы. Причем женитьбу, пожалуй, можно поставить на первое место. Казимир прекрасно понимал, что никто не станет так носиться с ним, как сестра, потакавшая его слабостям и заставлявшая дочь

с ними считаться, и до ужаса боялся, что однажды, в один далеко не прекрасный день, его свободе придет конец. Кажется, этот страх поселился в нем с тех пор, когда он встретил старого приятеля Болека, заводилу Болека, с которым они славно проказили во время учебы у иезуитов; и Казимир не мог забыть то жуткое чувство, когда лет через семь после окончания школы он вновь увидел своего друга, женатого, плешивого, с синяками под глазами, совершенно облетевшего, как дерево осенью. Боже! Неужели перед ним был тот самый Боек, с которым они лазили к черноглазой Ирене за пирожками и поцелуями? Какой же он сделался старый, несчастный, и как им помыкала его измученная, постаревшая от многочисленных родов жена, и какой у него затравленный вид, и как униженно он говорил о том, где бы ему перехватить денег до рождения очередного ребенка... Казимир никогда никому не рассказывал, но именно после встречи с Болеком он определенно понял, что семейная жизнь — не для него. Он так боялся попасться, так боялся оказаться в положении, когда честный человек просто обязан жениться, что даже романы заводил исключительно с замужними, положительными дамами. И то — не далее как несколько дней тому назад Казимир едва не обжегся, и Амалия, вспомнив об этом случае, невольно улыбнулась.

— Что? — спросила Аделаида Станиславовна, зорко наблюдавшая за ней.

— Так, — беспечно отмахнулась Амалия. — А где дядя сейчас?

— У себя, — вздохнула ее мать. — Второй день почти не ест, бедный. И даже на карты не смотрит, — заговорщическим шепотом прибавила она.

...Причина того, что Казимир даже перестал смотреть на карты, заключалась в миниатюрной хорошень-

кой даме, которая явилась как-то в особняк Амалии после обеда. Едва старый Яков доложил о прибытии гостя, как Казимир побелел, покраснел, заметался, выскочил за дверь, впопыхах стукнувшись о створку, и крикнул племяннице на прощание:

— Меня нет! И не будет! Я для нее умер!

Однако через секунду он вновь просунул голову в дверь.

— Умоляю тебя, племянница, — застонал он, — сделай что-нибудь, чтобы она исчезла! Я так с ума сойду!

Амалия сделала Якову знак подождать.

— В чем дело, дядюшка? — довольно сухо спросила она.

— Вот то-то и оно! — просипел Казимир, теряя голову. — У нее муж умер... от грудной жабы¹... третьего дня. И она вбила себе в голову, что я должен на ней жениться!

— А не должен? — осведомилась Амалия безразличным тоном.

— Я? — отшатнулся Казимир. — Но это же... это... Нет, лучше петля! Сразу! Покончить счеты с жизнью... Или камень на шею — и в воду, да! — И он энергичным жестом показал, как именно станет привязывать себе на шею камень.

— А может быть, вы зря переживаете? — добила его Амалия. — Женитесь, остепенитесь, заведите детей... Не так уж и плохо, знаете ли!

— Ну да, конечно! — возмутился Казимир. — То-то ты сама развелась, племянница...

Помимо всего прочего у Казимира был неприятнейший талант попадать точно в больное место. Заметив,

---

¹ Болезнь сердца (выражение эпохи). — Здесь и далее примечания автора.

что Амалия слегка переменялась в лице, что могло служить у нее признаком сильнейшего гнева, он, впрочем, сразу же пошел на попятный.

— Я ничего такого не имел в виду, — жалобно пропыхтел дядюшка, кося глазом на противоположную дверь, куда вот-вот должна была войти та, которая покушалась нарушить его покой и насильственным образом, вопреки всем законам и уложениям Российской империи, отволочь его к алтарю. — Но семья... и я... О, я не переживу этого! — со стоном закончил он, хватаясь за голову.

Амалия сердито поглядела на него и сделала ему знак исчезнуть. Казимир с невероятной для его комплекции скоростью взлетел по лестнице и хотел было укрыться у себя в спальне, но тут ему в голову пришло, что Амели все-таки не сестрица Адочка и что с безжалостной племянницы вполне станется выдать его врагу. Поэтому он на цыпочках спустился по лестнице обратно и с замиранием сердца припал ухом к двери, за которой глухо беседовали два женских голоса.

— Мы столько времени были вместе! — стонал первый женский голос. — А теперь он избегает меня, и все из-за чего? Я лишь предложила узаконить наши отношения! Даже мой духовник...

Дальше ничего нельзя было разобрать, кроме сморканий в платок и невнятных сетований на судьбу.

— Всю мою жизнь я была так несчастна! — продолжал тот же голос. — Мой муж был такой тиран... Настоящий деспот!

Казимир вспомнил деспота, который был тишайшим человеком на свете, и мысленно застонал.

Ну почему, почему тот не прожил еще много-много лет, ко взаимному удовольствию жены (которой все равно надо кого-то обманывать) и ее любовника (который